

чителен, чем «многоплановое» изображение человека или событий, к которому, казалось бы, вела традиция документальных приложений. Но для того чтобы при использовании рассмотренной традиции деловой письменности была открыта «многоплановость» как литературное средство, вероятно, требовалось большее: не только преодоление чисто делового, фактографического характера традиции, но и какие-то изменения во взглядах на произведение и на автора. Литературная история традиции приложений началась лишь с конца XVII в. Все, что было до этого, в том числе и то, что сделал Аввакум, относится к литературной предыстории традиции, как ни парадоксально, более яркой, чем история ее последующего литературного использования.

Заметим в заключение, что нельзя рассматривать односторонне процесс взаимодействия литературы и деловой письменности только как влияние первой на вторую, только как постепенное превращение делопроизводственных традиций в литературные. Нельзя исходить из предпосылки, будто литературные тенденции всегда или в конечном счете преобладали над деловыми. Так, еще предстоит выяснить, какое из встречных движений во второй половине XVII в. стало преобладающим: литература осваивала деловую письменность, но и деловая письменность проникала во многие жанры литературы, не поддаваясь или очень туго поддаваясь последней. Один из примеров этого показан в данной статье. Думается, что накопление подобных явлений к Петровскому времени способствовало своеобразному «отливу» литературы в сторону канцелярско-деловую.
